

Михаил Штурм

Сокровища царя Соломона

Глава первая, оповещающая о том, что труба опять зовет: в поход, в поход!

Канун Нового года выдался слякотным, дождливым, беспросветным. Зато первого января, выглянув в окно, Быков увидел, что там белым-бело. На душе стало празднично и светло.

На цыпочках, чтобы не разбудить маму, он прокрался в кухню, вооружился подносом и принялся собирать себе праздничный завтрак, состоящий из всевозможных салатов, солений, соусов и внушительного ломтя домашней буженины. Сладкое на подносе не поместилось. Решив позже сделать вторую ходку, Быков направился в гостиную, где и был перехвачен мамой.

— Доброе утро, Димочка, — сказала она. — С Новым годом, с новым счастьем!

Мама покосилась на поднос, и ее взгляд показался Быкову многозначительным. Накануне, угостившись поочередно водочкой, шампанским и ликером, он заявил, что с завтрашнего дня начинает худеть и заниматься спортом. Такое решение было

принято после того, как Дмитрий Быков осознал: за последние три месяца он заметно поправился (а все потому, что давно не отправлялся в путешествия). На него из зеркала смотрел эдакий располневший д'Артаньян с жесткими непокорными кудрями, ясными серыми глазами и лихими усами на круглом лице. За время домоседства румянец сменился аристократической бледностью. Из-за этого Быков казался себе еще полнее, и это его раздражало. Почему бы в новом году не сбросить лишние килограммы?

И действительно — почему?

— Продукты могут испортиться. — Быков приподнял поднос. — Жалко.

— Не беспокойся, — сказала Лия Артамоновна, — с сегодняшнего дня обещают резкое похолодание. Все прекрасно сохранится на лоджии.

Быков подошел к столу и принялся переставлять на него с подноса остатки праздничного пиршества.

— Кажется, многовато взял, — произнес Дмитрий, как бы размышляя вслух. — С моей комплекцией нельзя расслабляться.

— Ты прекрасно выглядишь, — успокоила его Лия Артамоновна.

Она, как всякая любящая мать, была склонна к преувеличениям.

— Поднакопился жирок, — самокритично высказался Быков. — Ну ничего, сразу после праздников возьмусь за себя. Спорт, диета... гм...

Вспомнив, что вчера он это уже говорил, Быков кашлянул и уселся за стол. Мать присоединилась к нему со своей тарелочкой, на которой уместился ее завтрак.

Поев и посмотрев по телевизору дурацкое новогоднее шоу, мать и сын отправились каждый в свою комнату.

Несколько лет назад, после того как скончался Быков-старший, их трехкомнатная квартира была четко разделена на сферы влияния. Кухня и опустевшая супружеская спальня считались теперь маминой территорией. В гостиной Дмитрий и Лия Артамоновна собирались для совместных трапез и посиделок. Отцовский кабинет с книжными шкафами, африканскими масками, океанскими раковинами и прочими сувенирами из дальних стран стал комнатой Дмитрия Быкова. Здесь же он и спал на старомодном кожаном диване с несуразно высокой спинкой и гладкими круглыми валиками.

Вообще-то отец Дмитрия был профессором медицины и никогда не ездил дальше Болгарии. Тем не менее в нем жила неистребимая страсть к дальним странствиям. Зная об этом, пациенты старались порадовать его диковинками вроде

засушенной игуаны или африканского ассагая¹. В конце концов профессорский кабинет принял такой вид, как будто принадлежал заядлому путешественнику. В детстве Дима Быков часами просиживал у глобуса, отыскивая места, где ему хотелось бы побывать, а годы спустя, когда он стал профессиональным фотографом, воображаемые путешествия стали реальными.

Как в старые добрые времена, когда ему хотелось отдохнуть, Быков взял с полки серый том «Библиотеки приключений». Это был роман Хаггарда о трех друзьях, путешествующих по Африке в поисках легендарных копей царя Соломона. Местами наивный, но все равно очень познавательный и, главное, интересный.

Быков не отрываясь читал минут сорок, пока в кабинет не постучалась Лия Артамоновна.

— Входи! — крикнул он, усаживаясь и сбрасывая плед.

— Если ты хочешь отдохнуть, я не стану тебе мешать...

— Глупости, входи. Я в последнее время только и делаю, что отдыхаю.

¹ Ассагай — метательное копьё с железным наконечником. (Здесь и далее примеч. ред.)

Мать вошла и опустилась в кресло, представлявшее собой ополовиненную копию любимого быковского дивана.

— Все как при Левочке, — произнесла она, оглядывая комнату с таким выражением, как будто это был храм. — Знаешь, Дима, всякий раз, когда я сюда захожу, мне кажется, что твой папа жив. Вы с ним похожи как две капли воды...

— Ты часто это говоришь, — кивнул Быков. — У тебя ко мне какое-то дело, да?

Он зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью.

— Да, — ответила мать. — Нам надо поговорить.

— О чем?

«Неужели она заметила, что я опять начал покуривать?» — пронеслось в голове у Быкова.

Вредная привычка еще не приклеилась к нему намертво, но в нижнем ящике письменного стола хранились трубка и пачка крепкого табака «Черный капитан». Пока что Быкову удавалось ограничиваться одной трубочкой в день, однако сдерживать себя становилось все труднее. Особенно после плотной трапезы или обильных возлияний. Вот и сейчас захотелось, когда мама уйдет, поднять у окна. Потом можно будет хорошенько проветрить комнату...

Рассердившись на себя за эти мысли, Быков забросил ногу на ногу и вопросительно посмотрел на мать.

— У меня к тебе просьба, Дима. Извини, что беспокою тебя...

Лия Артамоновна отличалась невероятной, почти сверхъестественной деликатностью. Она бы, наверное, и во время апокалипсиса не перестала извиняться за то, что причиняет неудобства окружающим. Правда, когда нужно было отстаивать чужие интересы, эта маленькая женщина становилась отважной, решительной и непреклонной.

— Все в порядке, мама, — сказал Быков. — Продолжай, пожалуйста.

— Ты ведь у меня известный фотограф, Дима...

— Ну уж, известный!

Впрочем, Лия Артамоновна была права. Лучшие работы Быкова публиковали в мировых периодических изданиях, в том числе и в журнале «Нэшнл джиогрэфик». Корифеем Быков пока не стал, но уверенно приближался к вершине мастерства. В настоящий момент он входил в двадцатку лучших фотографов, специализирующихся на снимках дикой природы.

Такому стремительному взлету способствовали недавние приключения Быкова в

Южной Америке, после того как в Британии вышла книга под названием «Затерянные в джунглях». Дмитрий и автор книги, журналистка Морин Клайв, принимали участие в экспедиции по спасению экипажа воздушного шара, потерпевшего крушение в дебрях Парагвая. Собственно, они являлись единственными участниками этой славной экспедиции. Дмитрий и Морин близко сошлись за это время... так близко, что расстаться с девушкой оказалось для Быкова делом не менее трудным, чем сам поход.

Лия Артамоновна, не подозревавшая, о чем думает ее сын, перешла к главному:

— Ты ведь помнишь Михаила Иосифовича, Дима?

Еще бы не помнить! Михаил Иосифович Балтер, старый друг отца Дмитрия, был профессором биологии, но походил скорее на красиво состарившегося артиста или режиссера: безупречно отутюженные брюки, пиджак из рыжей замши, темная водолазка. Отец и покойный Лев Николаевич были очень близки. Порой они спорили и даже ссорились, но стоило одному из них заболеть или столкнуться с трудностями, как другой, забывая старые обиды, тут же оказывался рядом.

Когда Быкова-старшего не стало, Балтер продолжал поддерживать приятельские отношения

с Лией Артамоновной, а однажды втянул Дмитрия в опасную авантюру, убедив его отправиться в Австралию, чтобы заснять там мифическое чудище под названием буньип. Никакого буньипа они не нашли, зато пережили множество опасных приключений, при воспоминании о которых у Быкова и сейчас мурашки пробежали по телу.

— Ну что ты, мама! — ответил Дмитрий. — Разве можно забыть милейшего Михаила Иосифовича?

— Ты прав, он очень яркий человек, — кивнула Лия Артамоновна. — Такой одаренный и такой... такой неприспособленный.

— Да-да. Рассеянный до невозможности.

— И не говори, Дима. Такие люди нуждаются в опеке.

Быков внимательно посмотрел на мать, сообразив, к чему она клонит.

— Надеюсь, — сказал он, — наш профессор не замыслил новое путешествие на другой конец земного шара?

— Нет, — успокоила его мать. — Михаил Иосифович собирается в Африку.

— Вот как? — насторожился Быков. — Куда именно? Африка большая.

— В Ботсвану.

— В Ботсвану? Насколько мне известно, эта страна не привлекает туристов...

Лия Артамоновна усмехнулась:

— Не могу себе представить Михаила Иосифовича в роли туриста. Он ученый, естествоиспытатель.

Быков тоже усмехнулся, но занервничал. Он уже не сомневался в том, что его хотят втянуть в очередную авантюру, но все еще брыкался, надеясь улизнуть.

— Там нечего изучать, — заявил Дмитрий, стараясь говорить с апломбом. — Две трети Ботсваны занимает Калахари — безжизненная пустыня, равная по протяженности расстоянию от Урала до Польши.

— В сезон дождей там все расцветает, — возразила Лия Артамоновна. — С ноября по апрель. А сейчас только начало января.

Как видно, она неплохо подготовилась к разговору. Но ее сын тоже был не лыком шит.

— На самом деле дожди идут там крайне редко, — нравоучительно произнес он. — Засуха может длиться годами и даже десятилетиями.

— Зато после дождей Калахари преображается. Стоит живительной влаге хлынуть с небес, как на месте пустыни появляется трава, а высохшие озера наполняются водой, привлекая... э-э... привлекая разноголосые птичьи стаи и... э-э... стада животных. — Произнося эту тираду, Лия Артамоновна смотрела в одну точку, как

ученик, зазубривший урок. — Недаром... да, недаром в Ботсване и для названия денежной единицы, и для приветствия используется одно и то же слово.

— Какое? — любопытствовал Быков.

— Пула. То есть дождь.

— Молодец, мама. Научилась пользоваться интернетом.

— А ты думал, ты один такой продвинутый? — не без гордости ответила Лия Артамоновна.

— Я одного не понял, — сказал Быков, машинально водя пальцем по складкам пледа. — Какое отношение Ботсвана, Калахари и Балтер имеют ко мне?

— Разве я не сказала? Михаил Иосифович едет в Африку. В Ботсвану.

— Это я уже слышал. При чем тут я?

— Сейчас объясню, — кивнула Лия Артамоновна. — Он заканчивает монографию о миграции африканских животных. Названия не помню, очень уж оно заковыристое. Но не в названии дело. Дело в самой книге. Михаил Иосифович хочет, чтобы она соответствовала современным стандартам. Мировым.

— Та-а-ак! — протянул Быков, испепеляя мать взглядом.

Ее глаза были устремлены в пол.

— Нужны фотографии, — сказала Лия Артамоновна. — Много качественных цветных снимков. Понимаешь, как выиграет от этого книга? Возможно, ее издадут в других странах. А это гонорары, известность, признание, наконец!

— Фотографии. Угу. И кто, по-твоему, их должен сделать?

— Как кто? — удивилась Лия Артамоновна. — Ты, Дима. Для чего же еще нужны друзья? Нужно помочь Михаилу Иосифовичу.

Быков встал, скрестив руки на груди.

— Я не совсем понимаю, — сказал он, хмурясь. — Как ты себе это представляешь? Не могу же я взять и ни с того ни с сего махнуть в Африку. Путешествия — недешевое удовольствие, между прочим.

— Дима, я не хочу тебя поучать, но, по-моему, решение очевидно.

— Да? — язвительно переспросил Быков. — Тогда почему я его не вижу?

— Это объясняется твоей зашоренностью, — пояснила мать. — Иногда мы не замечаем того, что лежит на поверхности, потому что ищем не там.

— Очень интересно. Тогда, может, подскажешь, где нужно искать?

Ядовитого сарказма, заключенного в этом вопросе, хватило бы на то, чтобы отравить

настроение кому угодно, но Лия Артамоновна даже глазом не моргнула.

— Хорошо, — кивнула она. — Свяжись с издательствами и предложи им фоторепортаж из Ботсваны.

— Они должны будут оплатить нашу поездку? Я правильно тебя понял, мама? Мою и Михаила Иосифовича?

— Но ведь ты предоставишь им фотографии...

— Ну да. А что получу я сам? Кто компенсирует мне истраченные деньги и, главное, время?

— Деньги. Да, конечно... Что ж, понятно. — Мать направилась к двери. — Извини за беспокойство, Дима. Читай, отдыхай.

Ее тон был сух, как воздух в Калахари. Быков почувствовал, как у него сжалось горло.

— Подожди, — сказал он. — Ответь мне, пожалуйста, мама, отчего Михаил Иосифович сам не обратился ко мне с этой просьбой? Почему он действует через тебя?

— Что значит «действует»? Он меня ни о чем не просил. Просто обмолвился, что хорошо бы слетать в Ботсвану и пофотографировать там местную фауну.

Быков кивнул со вздохом. В наивности его матери не было равных, во всяком случае, среди ее

ровесниц. Окружающие беззастенчиво пользовались этим ее качеством. Но другие — ладно, к этому давно привыкли и сама Лия Артамоновна, и ее сын. А вот шитая белыми нитками хитрость Балтера возмутила Быкова. Разумеется, профессор не случайно обмолвился о желании посетить Африку. Он как бы ни о чем не просил и ни на что не рассчитывал. Остальное должна была сделать Лия Артамоновна. Уже сделала.

— Хорошо, — сказал Быков устало. — Но почему именно Ботсвана? Там что, медом намазано? Как мы будем искать диких животных в пустыне?

— О, ты, я вижу, ничего не знаешь об Окаванго, — заговорила мать. Ее маленькое подвижное лицо выражало плохо скрываемое превосходство. — Это главная река Ботсваны. Дельта занимает двадцать тысяч квадратных километров. Там есть и рыбы, и птицы, и звери. Близ Окаванго вероятнее всего можно встретить большую африканскую пятерку.

— А что это за большая африканская пятерка?

— Как, ты и этого не знаешь? — притворно изумилась мать. — Слон, носорог, буйвол, лев и леопард. Полный набор. — Подумав немного, она добавила: — В ассортименте.

Быков позволил себе еще один вздох, в меру протяжный и тяжелый.

— Хорошо. Я позвоню профессору. Завтра же.

— Не завтра, а сегодня. — В голосе матери прозвучало что-то весьма похожее на металл. — Михаил Иосифович места себе не находит, переживает за свою работу. А тут как раз такой повод: и с Новым годом поздравить, и приятную новость сообщить.

— Разве я уже согласился?

— А разве нет?

— Я попробую ему помочь, — уточнил Быков. — Но ничего не гарантирую.

— Этого будет вполне достаточно, — сказала Лия Артамоновна. — У тебя все получается, когда ты действительно этого хочешь.

Иными словами, отрицательный результат не принимался.

Быков тоскливо посмотрел на роман Хаггарда. Совсем недавно произведение о странствиях по Африке представлялось ему таким увлекательным. Теперь, как видно, придется поискать другое чтиво.

— Хорошо, вечером позвоню профессору, — хмуро пообещал Дмитрий. — Довольна?

Мать виновато улыбнулась.

— Конечно, Димочка, спасибо. Мне так... так неудобно...

— Все нормально, — сказал он.

Ему было известно, как сильно переживала мама всякий раз, когда ей приходилось настаивать на своем. Такой уж у нее характер. Быков понимал ее как никто другой. Потому что был тем самым пресловутым яблочком, которое упало недалеко от яблони.

— Ты правда не сердись? — спросила Лия Артамоновна.

— Еще нет, но рассержусь, — заверил ее Быков с напускной суровостью, — если ты не дашь мне немного поспать.

— Ухожу, ухожу, — заторопилась мать, но, прежде чем покинуть кабинет, обернулась и попросила: — Не обижайся на меня, сынок. Кажется, я была излишне настойчива.

— Со мной по-другому нельзя, — сказал Быков, зевая.

Он лег на диван и укрылся пледом. «У каждой проблемы есть светлая сторона, — подумал Дмитрий засыпая. — С физкультурой теперь можно повременить. Имею полное право».

Глава вторая, в которой все горит не только пресловутым синим, но и вполне обычным, оранжевым пламенем

Михаил Иосифович Балтер был классическим профессором, страдающим рассеянностью. Острый ум, кладезь знаний — и при этом полная непригодность к решению простейших бытовых проблем. Поиски очков, потерянные ключи, соль в чае, перегорающие электроприборы, сожженные утюгом рубашки и прочие напасти.

До недавнего времени профессора опекала его любимая внучка Аня, но летом она скоростижно вышла замуж и теперь готовилась направить материнский инстинкт в иное русло. Другими словами, Балтер жил один. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Он встретил Быкова в тщательно отутюженных бежевых брюках, слегка подпорченных кетчупом или вареньем.

— Проходи, Дима, — пригласил Михаил Иосифович, отступая от двери. — Можешь не разуваться. На послезавтра у меня намечена уборка.

Складывалось впечатление, что в последний раз он убирал еще в прошлом году, а ведь близилась уже середина января. Вопрос с

командировкой в Ботсвану решился на удивление просто: фотографии заказали сразу два журнала. Теперь Быкова тревожило совсем другое: ожидающая его роль няньки при Балтере. Из-за своей способности все путать, забывать и терять профессор обещал стать весьма непростым подопечным.

— Я принес список вещей, которые необходимо взять с собой, — сказал Дмитрий, пройдя в кабинет, заваленный не поместившимися в шкафах книгами.

— Не стоило беспокоиться, — замахал руками Балтер. — Достаточно было позвонить.

— И вы бы все запомнили, Михаил Иосифович? — вкрадчиво поинтересовался Быков.

— Если бы не запомнил, то записал бы, — последовал ответ.

— А потом сунули бы листок в морозильную камеру и забыли о его существовании.

— Почему в морозильную камеру? — обиделся Балтер.

— Ну в микроволновку.

— У меня нет и никогда не было микроволновки!

— Тогда в стиральную машинку, — сказал Быков. — У вас тут есть где разгуляться.

— Дима! — воскликнул старик. — Когда речь идет о важных вещах, я никогда ничего не забываю.

— Отличное качество. Но все же позвольте мне сделать вот что...

С этими словами Дмитрий поместил список под покрывающую поверхность письменного стола стекло, между фотографией внучки Михаила Иосифовича и календарем на текущий год.

Балтер наблюдал за его действиями с видом человека, вынужденного подчиниться бессмысленной, но неизбежной формальности.

— Имей в виду, Дима, в Африке мы поменяем ролями, — пообещал он.

Быков насторожился.

— Иными словами, — произнес он хмуро, — вы намерены взять командование на себя, Михаил Иосифович?

— А как же иначе! — воскликнул Балтер. — Кто лучше меня знает правила поведения в буше, саванне, на реке?.. Нас с тобой ждет встреча с самой дикой природой планеты. Поэтому от меня не отходить ни на шаг, к зарослям и кустам в одиночку не приближаться, руки и ноги в воду не совать. Окаванго кишит крокодилами и змеями.

— А помните, как на нас напал морской крокодил? — спросил Быков.

— Конечно, Дима. Это было потрясающее приключение!

Сейчас воспоминания вызывали на лицах мужчин улыбку, но в свое время, когда они едва не

стали добычей гигантского хищника, им было не до смеха.

— Скажите, Михаил Иосифович, не собираетесь ли вы арендовать моторную лодку? — поинтересовался Быков.

— Нет, — покачал головой Балтер.

— Как? Вы не намерены проплыть по Окаванго? — удивился Быков.

— Я вижу, ты плохо представляешь себе, что это за река, Дима. А ее нельзя недооценивать, ведь она своенравна и капризна, как женщина. Берет начало всего лишь в трех сотнях километров от Атлантического океана, а потом вдруг резко поворачивает к океану Индийскому. Но не впадает туда, не впадает! — Профессор Балтер помахал пальцем в воздухе. — Исчезает в песках Калахари. Правда, перед этим разливается, — он широко развел руками, — образуя самую большую внутриконтинентальную дельту в мире.

— Я и говорю, — кивнул Быков. — Грех не поплавать по самой большой дельте в мире.

— Там непролазные топи и непроходимые заросли папируса, — сказал Михаил Иосифович с усмешкой превосходства на тонких губах. — А еще повсюду островки, затрудняющие навигацию. Их строят термиты, да-да, термиты. А уже потом на месте термитников растения пускают корни. Образуются острова, соединенные протоками,

которые прокладывают гиппопотамы. — Тут Балтер бросил испытующий взгляд на Быкова. — Их еще называют бегемотами. В просторечии.

— Я в курсе, — скромно ответил Быков.

— Рад это слышать. В наше время молодежь такая, гм, нелюбознательная...

На это можно было многое возразить. Например, что современной молодежи известно такое, что и не снилось людям старшего поколения. Или что сам Быков уже не считал себя молодым. Но спорить не имело смысла. Профессор Балтер принадлежал к числу людей, которые обожают говорить, но не слишком внимательно прислушиваются к мнению окружающих.

— Как же мы будем пробираться по тропам, проложенным гиппопотами? — спросил Быков и с невинным видом уточнил: — Именуемыми в просторечии бегемотами...

Возможно, Балтер и заметил подковырку, но не отреагировал на нее, сочтя это ниже своего достоинства.

— Единственное средство передвижения там — туземные пироги. — Профессор внимательно посмотрел Быкову в глаза. — С ударением на втором слогe, обрати внимание.

Оказывается, ему тоже было присуще чувство язвительного юмора, которым всегда отличался Быков.

— Это такие лодки, выдолбленные из дерева, — продолжал Балтер как ни в чем не бывало. — Благодаря узкой, вытянутой конструкции они способны плыть среди зарослей папируса.

— С ударением на втором слоге?

— Да, Дима. Если тебе будет угодно.

Сделав вид, что он не уловил сарказма, Балтер поставил Быкова в глупое положение. Отлично сработано! Дмитрий усмехнулся в усы:

— Я постараюсь запомнить. А вы постарайтесь приобрести все, что здесь записано. — Он постучал ногтем по стеклу на столе. — Созваниваться будем ежедневно, утром и вечером. Держите телефон при себе, пожалуйста. Вылет через четыре дня. Билеты уже заказаны. Виза для поездки в Ботсвану не нужна, и это облегчает нам задачу.

— Почему через четыре дня? — нахмурился Балтер. — Мы напрасно теряем время.

— Не знаю, как у вас, а у меня есть дела, которые необходимо закончить, — сказал Быков. — В общем, собирайтесь, Михаил Иосифович. За день до вылета я к вам загляну, уточним некоторые детали.

На том и порешили. Навестить Балтера еще раз перед отъездом было правильным решением.

Потому что в противном случае нам пришлось бы попрощаться с профессором навсегда.

Когда, как и было условлено, Быков заехал к Михаилу Иосифовичу, его насторожил запах гари в подъезде. Слегка отклоняясь от повествования, отметим, что это был именно подъезд, а не парадное, как часто говорят те, кто никогда не видел настоящих парадных — со сверкающими мраморными ступенями, яркими светильниками и бронзовыми украшениями. Наличие парадного входа подразумевает существование черной лестницы: узкой, грязной, насыщенной запахами кухни. Именно таким был подъезд, в который вошел Дмитрий: с грязной лестницей, щербатой облицовочной плиткой и богатой настенной росписью, но зато без лифта и без консьержа.

Чем выше поднимался Быков, тем ощутимее становился запах дыма. Добравшись до последнего, пятого, этажа он почувствовал, что у него першит в горле и слезятся глаза.

— У кого горит? — спросил Дмитрий женщину, высунувшуюся из двери.

— У профессора, у кого же еще! — сердито отозвалась она. — То соседей снизу затопит, то нас сжечь норовит. И когда уже его черти заберут?

Выругавшись напоследок, она скрылась из виду.

Добежав до двери Балтера, Быков попытался выбить ее плечом, потом принялся давить на кнопку звонка, но все было напрасно. Крики и удары ногами по двери тоже не дали результата. Дмитрий отступил, вспотев от нехорошего предчувствия. Дыма, сочащегося из щелей, становилось все больше, он плавал в подъездных сумерках голубоватыми слоями, таинственный и страшный.

Выбить бронированную входную дверь не представлялось возможным: она была прочной и надежной.

— Михаил Иосифович, откройте! Слышите меня? Это я, Дима!

Быков в отчаянии ударился о металл одним плечом, потом другим.

— Угорит ваш Михаил Иосифович, — слышалось из-за соседней двери. — Задохнется, старый хрыч.

— Откройте! — потребовал Быков у невидимой соседки. — Я попытаюсь перелезть с балкона на балкон.

— У нас балкон выходит на другую сторону, — злорадно сообщила она. — И вообще, я незнакомых людей в квартиру не пускаю. Ждите пожарных, я их уже вызвала.

Хоть какая-то польза от этой ведьмы. Кашляя, Быков сделал еще несколько попыток достучаться

до профессора, потом стал звонить в соседние двери, но больше ему никто не открыл.

Зажимая рот и нос ладонью, Дмитрий посмотрел на потолок, туда, где, почти скрытый за густой дымовой завесой, виднелся ход на чердак. Быстро вскарабкавшись по хлипкой железной лесенке наверх, Быков уперся головой в люк и с громким ревом попытался сорвать замок с петель. Он не мог ждать пожарных. Интуиция подсказывала Дмитрию, что счет идет на минуты, а может, и на секунды.

Быков так сильно напрягся, что, казалось, его шейные позвонки вот-вот сломаются или проломится макушка, которой он упирался в люк. Дмитрий опять зарычал, как будто благодаря этому могли увеличиться его силы. И, хотя такое поведение полностью противоречило законам логики, это сработало.

Он услышал скрип и скрежет — это из деревянной дверной коробки вылезали шурупы. Наконец они разлетелись в разные стороны, отскакивая от стен, словно пули. Упал, зазвенев, замок, и люк с грохотом распахнулся.

Взбираясь наверх, Быков за что-то зацепился и несколько раз дернул ногой, пока не услышал треск рвущейся материи. Освободившись, он бросился к слуховому окну. Чердаки пятиэтажек были знакомы Дмитрию с детства, с тех пор как их

мальчишеская ватага целыми днями шныряла по округе, ища новые опасные для жизни забавы. Крыша была прекрасным местом для того, чтобы испытать собственную храбрость, ловкость и силу. По правде говоря, у маленького Димы Быкова немели руки и ноги, когда он оказывался на крутой черепичной кровле. Приходилось делать вид, будто ему, как и остальным пацанам, ничего не стоит перепрыгивать с одного ската на другой, съезжать на корточках до ржавого ограждения, спускаться на землю по шаткой пожарной лестнице...

Это было трудно, но он справлялся. Справится и теперь.

Распугивая голубей и воробьев, обосновавшихся на чердаке, Быков выломал деревянную раму чердачного окна и бросил ее на пол. Стекло разбилось, и Дмитрий полез в узкий оконный проем.

Быков уже подзабыл, как делал это в детстве, поэтому, выбравшись наружу, оказался в затруднительном положении. Он обнаружил, что ему довольно трудно преодолевать земное притяжение, упираясь в скат оцарапанными ладонями. Следовало лезть вперед ногами, а не головой.

«Нужно развернуться и сесть», — сказал он себе. Решение было принято правильное, а вот исполнение подкачало. Быков поскользнулся на

заснеженной черепице и покатился вниз, с ужасом сознавая, что, возможно, это последние мгновения его жизни.

Небо и крыша успели дважды поменяться местами, прежде чем он остановился — так резко, что прокусил щеку и ощутил металлический вкус крови во рту. Распластавшись, Быков осторожно повернул голову и увидел, что зацепился порванными брюками за гвоздь, торчащий из волнистой кровли.

Память услужливо выдала поговорку: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», — которая, промелькнув в памяти, тут же была забыта. Высвободив штанину, Быков сел и осторожно спустился до низенького железного ограждения. Стараясь не налегать на него всей тяжестью, Дмитрий вытянул шею и посмотрел вниз. Балкон Балтера находился метра на два левее — его легко было узнать по штабелям макулатуры, хранившейся там с незапамятных времен под полиэтиленовой пленкой. Однажды Быков предложил профессору нанять машину и вывезти все эти спрессованные временем журналы и газеты уже не существующей страны. «Нет-нет! — испугался Михаил Иосифович. — Вместе с этой, как ты выражаешься, макулатурой канет в Лету целая эпоха, которая мне дорога».

«Как бы мне самому не кануть в Лету», — с опаской подумал Быков, пробираясь вдоль ограждения. До его слуха доносились рулады пожарных сирен, но самих машин пока видно не было. Это означало, что отступать нельзя.

Замерев над профессорским балконом, Быков понял, что теперь ему предстоит самое трудное. Балконы кажутся достаточно широкими лишь тогда, когда на них стоишь — да и то если не боишься высоты. А вот если смотришь с крыши, да еще когда тебе предстоит сигануть оттуда...

Дмитрий зажмурился. «Я не смогу, — сказал он себе. — Не смогу, не смогу...»

Озябшие пальцы вцепились в ограждение с такой силой, будто вознамерились срастись со ржавым железом навсегда. Быков заставил себя открыть глаза и снова посмотреть на балкон Балтера, но его взгляд упрямо убегал в сторону, бесцельно обшаривая заснеженные крыши соседних зданий, бездонный провал улицы и дома, уставившиеся на Дмитрия сотнями окон. Сирены выли уже где-то близко. Но пока пожарные развернут рукава брандспойтов, пока выдвинут лестницы, по которым побегут ловкие парни в блестящих касках... За это время можно превратиться в черную головешку или угореть от дыма. Ах, профессор, профессор, что же вы там опять натворили, рассеянный вы наш?

Не отпуская железную перекладину, Быков переступил через нее, развернулся, опустил одну ногу, другую и повис.

Балкон Балтера находился прямо под ним. Стоит Дмитрию разжать руки, и он спрыгнет туда примерно с двухметровой высоты. В ту же секунду его качнет, бросит на перила, и, потеряв равновесие, он с криком полетит вниз. Воображение так отчетливо нарисовало эту картину, что Быков уже почувствовал себя разбившимся в лепешку мертвецом, истекающим кровью на асфальте.

— Нет! — прошептал он.

И разжал пальцы.

Удар о бетонную площадку оказался еще более сильным, чем Дмитрий ожидал, — словно через его подошвы пропустили разряд электрического тока. Быков взмахнул руками и поймал мокрые перила. В какое-то мгновение ему показалось, что он не устоит на балконе. А в следующую секунду Быков уже оторвался от перил, подхватил увесистую кипу журналов «Вокруг света» и протаранил ею стекло балконной двери.

Не успели осыпаться осколки, как он просунул руку в образовавшуюся брешь и повернул дверную ручку.

— Михаил Иосифович? Михаил Иосифович!

Балтер был в кухне. Пламя с азартным хрустом пожирало мебель, пластмассовые поверхности и линолеум. Рядом с профессором валялся ковшик, из которого, надо полагать, он пытался погасить огонь. Из крана в раковину била мощная водяная струя.

— Михаил Иосифович!

Подхватив бесчувственное тело под мышки, Быков поволок его прихожую, где уже разрывался дверной звонок. Брюки на профессоре дымились, а рубашка успела превратиться в лохмотья. Кожа покраснела. Густые седые волосы свернулись от жара в завитки. Балтер не подавал признаков жизни.

Надрывно кашляя, Дмитрий отыскал на ощупь замки и открыл входную дверь. В подъезд устремилось дымное облако. Пламя, раздутое сквозняком, взметнулось к потолку, вырвалось из кухни, перепрыгнуло на обои.

Едва не сбитый пожарными с ног, Быков поспешил покинуть квартиру. К счастью, медики тоже уже прибыли на место событий. Балтера отнесли в машину скорой помощи. Профессор кашлял, его рвало желчью. Быков не смог оставить его в таком состоянии и поехал в больницу вместе с ним.

Дмитрий провел там несколько часов, ожидая, пока старика обследуют. Наконец ситуация